

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

ПУТЬ В ЭДЕМ

ДЖАМШИДОВ КУБОК
Я ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ ИСКАЛ

Анатолий Агарков

**Путь в Эдем. Джамшидов
кубок я по всей земле искал**

«Издательские решения»

Агарков А.

Путь в Эдем. Джамшидов кубок я по всей земле искал /
А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903532-5

Уж если начинать подъем в гору, то от подножия. Путешествия вглубь себя по каналам генной памяти открывают удивительные способности.

ISBN 978-5-44-903532-5

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Путь в Эдем Джамшидов кубок я по всей земле искал

Анатолий Агарков

О, сколько нам открытий чудных

Готовит просвещенья дух,

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг.

И случай, бог изобретатель

(А. Пушкин)

Джамшидов кубок я по всей земле искал,

И днем не отдыхал, и по ночам не спал...

И от Учителя, вернувшись, я узнал,

Что сам Джамшидовым волшебным кубком стал.

(О. Хайям)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-3532-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сначала был запах. Отвратительный запах нечистот и гниющей плоти.

Где я? В мусорном баке, на свалке, в канализационном колодце?

Нет, сначала была мысль. Я осознал себя. Осознал, что жив и нахожусь в каком-то зловонном пространстве.

Потом был звук. Бу-бу-бу. Это голоса. Кто-то тужится в трубу и на барабанную перепонку. Бу-бу-бу. Потом слух прорезался....

– И когда ты, Кашеевна..., была б не бабой, сказал: накобелишься – всех мужиков уже заездила.

– У Катьки ператрицы была така болезнь – под кого бы залезь – так её жеребцом лечили.

– Ну, этот вряд ли на жеребчика потянет. Ты, Кашеевна, штаны с его сыми да на хрен погляди – может, не стоит и возиться.

– Глядела уж – все ваши скрученные близко не стояли.

– Нут-ка, подыми ему башку. Ништяк в лобешник приложились – сколь на свету маюсь, таких аккуратных вмятин отродясь не видывал....

Потом был свет. Я открыл глаза и очень близко увидел чьё-то бородатое лицо и взгляд недобрых, глубоко запрятанных глаз.

– Кажись, оклемался. С тебя флакон, Кашеевна.

– Ой, взаправду зенки размежил. Ну-ка, плесните в кружку бульёну.

– Бойся – кипяток.

К моим губам притиснули край алюминиевой кружки.

– Смотри-ка, пьёт, не обжигается. Вот промялся, буржуй.

Не переводя дух, опорожнил кружку и не расчувствовал в нём обжигающего напитка. Потом перевёл дух и огляделся. Сарай не сарай, железобетонное строение с высоченным потолком и выбитыми глазницами окон. Костерок оторочен кирпичами, вокруг пяток тёмных фигур. Моя спина покоится на мощном бедре весьма упитанной особы – я бы сказал, болезненно расплывшей. Просто жир-трест какой-то.

На одной её ладони мой затылок, пальцы другой тянутся ко рту.

– Обсоси косточку.

В них разваренная.... ну, не говядина, точно. С тонкими коготками.... Это лапка....

Фонтан неусвоенного бульона оросил мою грудь и голое колено благодетельницы.

– Эх, ты, – расстроилась она.

– Не жилец, – подсказал кто-то. – Ишь как нутренности-то отшибли.

– Тебя кто бил, скажи, – Кашеевна утёрла рукавом мне лицо, грудь и своё колено. –

Говорить можешь али нет?

Я разлепил губы:

– Почему Кашеевна?

– Придурки прозвали, – она кивнула на окружение. – Надя Власова я. А ты с виду из господ, только нашли тебя у дороги вот с этой ямой в голове.

Она сунула шепот в мой лоб.

– Пошти на полпальца входит. Мозги-то как не вышибли. Помнишь что?

Я покачал головой.

– Где живёшь? Кем трудишься?

– Ну, ясен хрен, не работягой – это реплика от костра.

– Поутру нашли в беспамятстве и в карманах пустота. Сначала думали дохляк – эти твари сожрать хотели, я не дала.

– Спасибо.

Кто-то с поправкой влез:

– Спасибо слишком много, а вот по флакону на брата сама раз.

Нашлись варианты.

– Теперь, как благородный человек, ты обязан на Надьке жаниться.

Хохот у костра. Реплики.

– Переедешь в дом буржуйский, Кашеевна, мы к тебе на опохмел ходить станем.

– А можа при барских хоромах нас куда пристроишь – и ноги бить не надо.

– Подымишься, обитель твою сыщем, – пообещала толстая моя спасительница. – На, съешь, сама жевала.

Она сплюнула на ладонь и сунула мне в рот что-то вроде хлебного мякиша. Я поперхнулся и зашёлся в кашле – где-то в пыли, у её ноги, потерялась подачка.

– Ходули-то шевелятся? – спросила Кашеевна, но погладила не бедро или колено, а ширинку брюк.

А чёрт их знает! Посмотрел на свои конечности. Попробовал согнуть в колене одну ногу – получилось. Потом вторую. И руки функционируют....

Только ощущение, будто на запястье оптимизатор – ни жара костра не чувствую, ни прохлады ночи. И боли не чувствую.

А должна быть!

Пощупал вмятину во лбу – круглую, глубокую – след молотка в пластилине.

– Хоть чернильницу ставь, – порадовалась за меня Кашеевна.

Как могло такое случиться?

Помню бандюков, «Мерседес» чёрный, наш разговор....

Как тормознулись у обочины, тоже помню. Вылез обнадёженный, а потом удар – в лоб, молотком. Должна была треснуть кость и брызнуть мозги, а получилась вмятина. И запекшей крови нет. Даже кожа будто цела.

– Нет зеркальца? – спросил.

– Лежи уж, – Кашеевна убрала мою руку со лба, – князь Гвидон.

Кто-то был начитаннее:

– Если ты про звезду, что в торцу горит, то эта у евоной жонки – царевны-лебедь.

– Что за народ? – спросил и смежил веки, чтобы не видеть испитые рожи в бликах костра.

– Эти-то? – для полного обзора Кашеевна пристроила мою голову на объёмное своё брюхо. – Эти-то? Щас познакомя. Вон Ванька Упырь – кровь сосёт из мертвяков.

– Врёшь, Надюха, – вяло откликнулся мужичонка с маленьким бледным безволосым личиком, чем-то напоминающим страусиное. Может, крупным широким носом, гнущим шею и фейс к груди? Или маленькими луповатыми глазками, как пуговицы нарядной кофты, поблескивающие всполохами костра? – Кровяка в трупе сворачивается – попробуй, высоси.

– Вы что, действительно человечинной питаетесь?

– И крысятиной, и грачатиной, и ежатиной – мясо же, – это сказал одноногий, безликий, с огромным кадыком на длинной худой шее, в тельняшке под короткорукавым пиджачком с чужого плеча.

– Макс Афганец, – представила Кашеевна товарища. – С зонтиком вместо костыля, а скачет так, что не убежишь – даже не пытайся.

– Зачем мне от него бегать?

– Мало ли..., – покрутил лысой головой с приплюснутым черепом ещё один участник вечерни. – Вот захочешь смыться, не рассчитавшись....

– А я вам должен?

– Боря Свиное Ухо, – представила Кашеевна. – Говорит, в прежней жизни трактир держал – конкуренты сожгли. Сам едва спасся – шевелюру огонь слизнул, а обгорелые уши трубочкой свернулись.

– Слышите, братва, как Звезданутый запел? – забеспокоился бывший трактирщик. – Мы его, буржуя дрёбанного, нашли, с дороги пёрли, от дождя укрыли, у костра согрели, а он – чего я вам должен? Да ты по гроб жизни нам должен за содеянное – по гроб и не рассчитаешься.

– Угомонись, – махнула толстой рукой Кашеевна.

– Выпить ба, – мечтательно вздохнул малый с крепкими, но обвислыми плечами. И руки у него были мощные – длинные мускулистые с широкими заскоружеными ладонями. Вот ноги подкачали – короткие, кривые, как у карлика.

– Филька Звонарь, – представила Кашеевна. – С им не разговаривай – глухня. Силы немеханной – это ён тебя сюда на сабе пёр. А вот стрючком подкачал – меньше мизинца.

Рукастый коротконог, заметив внимание к своей особе, закивал головой.

– Гы-гы-гы!

– Гы-гы... Хрендель, говорю, у тебя ни на что не годный.

– Выпить ба, – согласился Звонарь.

– Выпивку мы сегодня прокакали – с энтим вот провозились, – трактирщик неприязнь ко мне личную пытался замутить до всеобщей. – Можя у тебя, Кашеевна, что в заначке сохранилось – проставляйся. Что за свадьба без веселья?

– Свадьба? – заступница моя встрепенулась. – На свадьбу можно и в закромах пошебуршать.

Рывком развернула своё лицо, едва не сорвав шею с резьбы.

– Ты, милый, как?

– Насчёт выпить?

– Насчёт жениться.

– Отрицательно.

– Дай-ка я посватаю, – придвинулся бородач с впалыми глазами. – Ты, морда буржуйская, кочевряжиться сюда пришёл?

– Меня принесли, – напомнил. – Сожрать хотели.

– Щас башку расколю, – трактирщик поднял обломок кирпича.

– Угомонись, Уч-Кудук, – вступился Ванька Упырь. – И ты, Боря, сядь, брось каменюку, сказал. Мы завтра за этого чубайса ящик белого с буржуйки художкой стрясём.

– Поставит? – это он мне.

Пожал плечами – о чём вы?

– Поставит, поставит, – кивал Упырь страусиным клювом.

– Да ён ничё не помнит, – надрывным вздохом проводила Кашеевна вдаль видение белой фаты.

– Глаза видят, язык болболит, – Упырь развил мысль. – Дырку в лобу глиной залепим – кто-нибудь признает. Водить по улицам на щепощке станем, как цыгане медведя.

Бомжи развеселились. Посыпались реплики.

– Ты, Звезданутый, на лисапетке крутить можешь? А косолапые катаются.

– В цирк его продадим.

– Лучше на паперть посадить – никто мимо не пройдёт. С такую дыркой-то в лобу....

Уч-Кудук придвинул бородастое лицо:

– Ты закатываться умеешь? Ну, дёргаться от падучей.... Научу – всем прихожанам карманы вывернешь.

Я выдержал его змеиный взгляд.

– Оно мне надо?

Трактирщик подскочил:

– Гонор-то убавь, морда буржуйская. Нет, надо ему башку расколоть, надо.

– Сядь! – Упырь махнул рукой. – Тащи, Кашеевна, заначку – сегодня он твой, а завтра решим, что с им делать.

– Ну, коль так, то и не жалко, – Надежда бесцеремонно спихнула меня в сторону и в три приёма – четвереньки, колени и, наконец, стопы – подняла тушу в вертикальное положение. – Не жалко для компании – сейчас сбегая.

Утопала в темноту.

От толчка упал лицом на угол полузасыпанной бетонной плиты и не почувствовал боли. Вот что это такое? Кожа на щеке лопнула, кровь течёт, а боли нет. Давеча кипятком пил и не обжёгся. Куда чувствительность пропала? Увы, печален вывод – следствия черепно-мозговой травмы.

Пощупал вмятину во лбу – точно, подставка под чернильницу. Представил пузырёк-непралевашку – сколько кубиков бесценного мозга вмято, порушено, безвозвратно погублено. Какие утрачены способности? Как сам жив остался?

Но остался. Могу мыслить, дышать, есть, пить, говорить, видеть и слышать. Двигаться могу. Значит, рано мне в покойники, да и в шуты гороховые....

Не ощущаю боли – один нюанс. А иже с ним – тепла и холода. Словом, потерял чувствительность. Не замечаю голода – второй. Впрочем, это из той же оперы.

Со слухом что? Со слухом есть проблемы. Голоса доносятся как из бочки – бу-бу-бу. И никак не могу понять, кто говорит, пока на рот не гляну. Это бывает.... Ну, точно! Заткнул поочерёдно пальцем правую раковину, левую. Это бывает, когда слышишь одной половиной. А у меня не работает правое ухо – напрочь отключилось. Вот такая чернильница!

Дальше что?

Прикрыл поочерёдно глаза – видят оба, но левый хуже. Да ни хрена он не видит – только свет и тьму! Смотрю на рожу трактирщика, вижу пергамент лысины и щёк, да три пропадающих пятна, когда Свиное Ухо молчит или моргает.

Руки двигаются, ноги гнутся. Попробовал встать. Встал, и тут же едва освещённые стены строения, костерок и сидящие пред ним бомжи в кадрили пустились – утюги за пирогами, пироги за башмаками.... Голова закружилась, и я бы упал, если б раньше Уч-Кудук не дёрнул меня за лодыжку.

– В бега, буржуй, собрался?

Упал и ткнулся лбом в треклятую плиту.

– Э, кончай, кончай! – вступился Упырь. – Товарный вид испортишь.

– Хуже не будет.

Подошла Кашеевна с коробкою в руках.

– Духалон?

Надежда извлекла пузырёк, повертела перед глазами.

– Не-а. Средство для очистки ванн.

Бомжи оживились

– Спиртяга?

– Ректификат.

– Цеди в котелок.

– А можа я неразбавленный пью.

– Выдавай Надюха по флакону.

– Допиваёте бульён, и ларисок дожирайте.

– Пускай флакон по кругу и котелочек – на занюх.

Кашеевна, едва не лишив головы, затащила мой торс на своё бедро.

– Хтой-то тебя так?

– Упал.

– Сейчас залижу – как на собаке заживёт.

И она принялась вылизывать царапины и ссадины моего лица.

О, господи! Я закрыл глаза. Опять этот запах. Отвратительный запах нечистот и гниющей плоти. Запах её рта.

– Будешь?

Открыл глаза – Кашеевна пристраивала пузырёк к моим губам.

– Средство для очистки ванн? Нет.

– Что ты понимаешь! Надо в рот набрать глоток, а потом запить – мягше бражки пройдёт. Надя продемонстрировала культуру питания убойного напитка – крикнула, дыхнула, помотала головой.

– Прошла. Выпей, дуралей, веселее станет.

Реплики от костра:

– Смотри, как она его ласково – дуралей. Чует сердце, свадьбе быть.

– Сейчас мы её и забачаем. Уч-Кадушка принимай поповский сан.

Густой бас бородача отразил бетонный потолок:

– Венчается раба Божья Надежда рабу Божьему – Слышь, как тебя? Не помнишь? – рабу Божьему Звезданутому. Аминь.

Четыре глотки прогудели:

– Ами-инь.

– Да целуйтесь вы, черти! – басил Уч-Кудук, грозя дымящимся поленом. – Зря, что ль машу кадиллом?

Увидев щербатый Надюхин рот, в страхе закрыл глаза. О, Господи!

– С таким не интересно – квёлый он, как жмурик, – отступилась новобрачная. – Надо его напоить.

Какие вопросы? Мне тут же протолкнули в рот горлышко пузырька, едва не выдавив зубы. Забулькала жидкость, задёргался кадык, пропуская её внутрь.

– Пей, буржуй, халява. Завтра нас коньячком угостишь.

– Вот, зараза, полфлакона оприходовал и не поморщился.

– Пустите-ка его – посмотрим, пробрало али нет.

Меня поставили на четвереньки. Я только помотал головой, давя отрыжку, а она хлынула изо рта жидкостью для очистки ванн.

– Вот зараза, всё добро в пыль. Не давайте ему больше.

Меня оставили в покое.

Я прилёг, пытаюсь привести в порядок мысли – осознать, что имею, что могу противопоставить этой банде спившихся отбросов в защиту своей чести, достоинства и самой жизни. Но достал-таки ректификат – головка моя поплыла, поплыла, вальсируя, не давая сосредоточиться на главном. Чуть полезла всякая, философская – ну, прямо к месту.

Через всю мою сознательную жизнь проходила красной нитью женская тема. У меня не было приятелей кроме виртуального Билли. Папашка бросил нас, и было время, когда я его ненавидел, потом жалел, но никогда не уважал, не гордился, не брал в пример для подражания. Дед был суровым человеком и, как оказалось, весьма жестоким и коварным – мы стали врагами. Патрон давал отеческие советы, но чаще прислушивался к моим, профессиональным. Так уж получилось, что жизнь мою заполнили женщины – бабушка и мама, жёны и любовницы, дочери. И, конечно, это обстоятельство корректировало мои поступки, сформировало характер и определило судьбу, которую, впрочем, не следует хаять. Только вот ирония – на пороге в небытие оказаться вновь в роли жениха полуторацентнерной макумбы.

Свадьбу играли с размахом. Подкинули дровишек в костёр – тьма убралась в углы. Надюха на выпивку не поскупилась, а в котелке ещё оставалась крысиная похлёбка. Подвыпившая компания веселилась от души. Зажигала невеста, сотрясая необъятными телесами.

– Я, бывало, всем давала по четыре разика

И теперь моё давало стало шире тазика.

Бомжи пустились в пляс. Филька Звонарь живописные выделывал кренделя на своих кривых недоразвитых.

– Ай-лю-лю, ай-лю-лю, поймал вошку на фую

Грязную вонючую, щас её замучаю.

– И-и-и, – Кашеевна по-цыгански откинула стан, сотрясая пудовыми грудями.

– Я, бывало, всем давала по четыре раза в день

А теперь моё давало получило бюллетень.

Ванька Упырь запыллил вокруг, шаркая.

– Эх, оп твою мать, на свадьбе буду бичевать

Сыму с невесты рядницу, надеру ей задницу.

И хлопнул Надюху по внушительной ягодице. Та в долгу не осталась – топнула и отдала приставале ступню.

– Я давала бы ещё, да болит влагалищё!

То, что они выделявали вокруг костра, свет его отражал на стенах здания, масштабную рисуя вакханалию. Да ещё бетонный потолок, усиливая, отражал голоса. Словом, кордебалет и опера на сцене полуночного театра абсурда. Вокальнохореографическое представление в исполнении отбросов общества. Кому-то в кошмарном сне такое не привидится, а мне, пожалуйста, реальное и дармовое зрелище.

А дармовое ли? Напляшутся бичи помойные, и пьяная десятипудовая дурнопахнущая Кашеевна навалится и изнасилует меня. Каково? Убойно. Впрочем, нет, конечно, ничего у неё не получится. Но даже сама попытка, даже мысль о ней вызывала в душе крайнее отвращение. Что предпринять, чтобы избежать её приставаний? Бежать, надо немедленно бежать отсюда прочь.

Я только поднялся на корточки, а голова моя поплыла кругом. Вернее всё вокруг побежало перед глазами – утюги за пирогами, пироги за башмаками....

Чёрт! Ещё одно следствие черепно-мозговой травмы – у меня отключился вестибулярный аппарат. Интересно, один или оба?

Как бежать, если я даже на ноги встать не могу – теряю ориентацию в пространстве? Ползком в двери, затеряться в темноте, дожидаться утра.... А там видно будет. Сейчас задача – спасти свою честь.

Про честь загнул, конечно, но пополз. Как разведчик через линию фронта – левое плечо вперёд, правое.... И локтями, локтями упираюсь. Голова кружится.... до тошноты. Но земля рядом – лбом уткнусь, отдышусь и дальше.

Добрался до стены – где выход, не знаю. Но я уже в тени, меня уже не видно – кинутся искать, а не тут-то было.

Ползём дальше, по периметру – должен быть выход, ведь как-то же вошли. Хотя, наверное, громко сказано – выход для тех, кто ходит, мне следует поискать выполз.

Что это? Спуск в подвал? Ступени. Дальше вода. Не врюхаться бы, а то придётся бичей на помощь звать. Вот смеху-то....

Обогнул ловушку, чешем дальше. Конца и края нет пути. Но это не дело – пусть голова кругом и тошнота в горле, так мне теперь в гада ползучего превращаться? Надо пытаться встать и идти, ну, хотя бы держась за стену.

Встал и.... И меня швырнуло на стену, ладно спиной – опёрся, не упал. А у костра – больше ничего и не видно – пироги за сапогами, утюги за пирогами.... Голова кругом, подступила тошнота. Сейчас вырвет.... Не вырвало.

Сглотнул слюну. Шаг вперёд – плечо касается стены и ладони на ней. Другой....

Всё кружится, голова кружится, стена шатается, а я иду. Даже напеваю:

– Нелёгкой походкой матросской иду я навстречу врагам....

Это ректификат во мне поёт. Вот хмель пройдёт и всё наладится, всё будет хорошо. Из худших передрыг выкарабкивались....

Нет, так хреново мне ещё никогда не было. Ах, Билли, Билли, как ты сейчас нужен. Неужели не слышишь вопли мои в своём виртуальном благополучии?

Вход возник внезапно – тёмным проёмом в серой стене. Плечо и руки потеряли опору и я вывалился в черноту летней ночи. Но упал не лицом в землю, как следовало ожидать, а затылком хряпнулся об неё. Потому как почва под ногами, будто утлая лодчонка на крутой волне, вдруг вздыбилась, норовя погрести. И погребла, если б я не прынул назад.

Искры из глаз. Грохот удара от мозжечка мозговыми извилинами прокатился до вмятины лобовой кости и застрял в ушах.

От болевого шока люди теряют сознание. Но боли нет, и сознание при мне. Лежу, гляжу в небо звёздное в разрывах быстро несущихся облаков, и никакого нет желания вставать и заводить юлу. От скупого света звёзд и перевёрнутого месяца поблёскивают лужицы и капли на листе – свидетельства недавнего дождя. Новая обстановка иным мыслям дала ход.

Куда бежишь, Алексей Владимирович, от кого? Задуматься, и не ясно – куда и от кого. Впрочем, куда понятно – домой, к оптимизатору, к заветному ящику в столе. От кого? В теперешнем физическом состоянии тебе не только не найти дом, а и до города не добраться – ты даже не знаешь в какой он стороне. А эти люди.... Ну пусть бичи, отбросы общества, а вот не бросили бездыханного при дороге, приняли участие – приволокли, приютили, накормить пытались. Не впрок, конечно, но и они крысятину не от снобизма жрут. И ещё человечину. А может, врут – с них станется. Пьют всякую дрянь. Но ведь люди же! И Кашеевна с её неутолимимым сексуальным голодом отвратна, но понятна. Что же мне бежать от них, если сам Всевышний послал на выручку. А не они, так загибался бы сейчас в кювете придорожном....

Впрочем, спорно. Не они, так кто-нибудь другой, попрличней и сердобольней, подобрал и определил в больницу. Может, Наташа сейчас сидела бы рядом. Может оптимизатор был бы на руке. А может, ментовские наручники....

Вздохом подавил неосуществившиеся мечты. Имеем, что имеем, и не время фантазировать. Надо возвращаться к костру и брать контроль над бандой помойных придурков. Стану для них шаманом и колдуном, Петром-ключником во вратах рая. Заставлю на себя молиться. Они на руках унесут меня домой к оптимизатору, а уж Билли решит все проблемы.

Вам ещё будут завидовать зажавшиеся городские бургеры, грозил тем, к кому полз на свет костра. Нашел, кого бояться – это уже себя упрекал – три класса и коридор суммарно на шестерых против твоей.... пусть немного повреждённой, но ещё – о-го-го! – на что способной головы. Её и надо включать в первую очередь, а ты....

Костёр догорал – рубинился углями, по которым изредка пробежали язычки пламени. Подступившая тьма укрыла покрывалом упившихся, упевшихся и улесавшихся бичей. В сторонке пытело и ворочалось бесформенное нечто – я так подумал, брачная ночь у моей невесты. Ну, помогай Бог!

Эти люди ещё не знают, что их ждёт завтра – пусть спокойно добичуют последние часы. С этой мыслью уснул.

Это был карьер. Нет, сначала был карьер – добывали бутовый камень, а потом надумали его дробить, и построили щебёнчатый завод. Производственный цех поставили, пристрой для мастерской, административное здание, гараж, котельную. Было время, он процветал, потом забросили – сдох Н-ский ЖБИ, ненужным щебень стал. Вывезли (растащили?) из корпусов всё ценное и забыли об их существовании.

Коммунальщики вспомнили – принялись возить, сливать, валить жидкие и твёрдые отходы в карьер, замутили голубую воду, одарили округу неистребимой вонью и целлофаново-бумажной продукцией. Но и бомжей нечаянной радостью. Три в одном – крыша над головой, поле чудес (свалка) и дурная слава среди обывателей.

Поговаривали горожане, что бандюки ночами увозили свои жертвы на щебзавод, пытали в пустующих корпусах и прятали в воду концы. Тела убиенных покоились на дне карьера, а души блуждали по ночам, и находились очевидцы, утверждавшие, что видели в свете фар белые силуэты в чёрных проёмах окон.

Рядом федеральная трасса дугой выгибалась, а за ней берёзовая роща прикрывала городское кладбище. Говорили, страсти неземные творятся в этом гиблом месте. То баба голая, выйдя на обочину, помашет водителю – тормозни, мол, задержись-ка. То сама курносая с косой наизготовку за кюветом привидится. Кто-то чертей наяву зрел. Кому-то гроб дорогу пересёк. И кувыркались машины с асфальта, а на полосатых столбиках вдоль обочины обновлялись траурные венки.

Бывали мы с Лёвчиком ночной порой на этом повороте смерти. И вот что я Вам скажу – никакой здесь чертовщины нет. Из лесной чащи порою ночной бегают на свалку его обитатели. Видели мы лису, разбойницу рыжую – так сверкнула фиолетовыми зрачками на свет фар, что водитель мой по тормозам ударил.

– О ё...!

И будь асфальт сырой, то кувыркнулся бы «Лексус» вместе с нами.

Ежи, те клубочком свернутся – бойся, проколю! Да где там.

А ещё псы бродячие, коты бездомные – всяку тварь влечёт приторный запах свалки и возможность поживиться.

Теперь бомжи....

Туман, поднявшийся над карьером, растёкся за берега, запрудил окрестность. Проник в наше убежище и осветил его. Вернее рассвет и туман шли об руку – один в разбитые окна, другой в поверженные двери. Заворочались, закричали под дерюжками озябшие бичи и меня разбудили.

Было не лучшее утро моей жизни. Не чувствую голода, холода, пить не хочется – можно сказать, априори бытия, но поганое ощущение неудовлетворённости сушит душу. Вторые сутки немытое тело так и скинул бы с себя вместе с мятым костюмом. А что оставил? «Дырку в лобу»? Была бы шишка, было б проще – теплилась надежда: когда-то сойдёт. С этим изъёном в голове как жить? Впрочем, о чём я? Не собираюсь тут жить да и задерживаться надолго.

Ну-ка, подъём, братва бездомная, бичи помойные, беззаботные безработные. Дело есть на миллион – снесите-ка меня на Сиреневую 12. И да воздастся вам!

Боря Свиное Ухо выбрался из-под дерюжки, потянулся, трубно дунул меж ягодич, спустил штаны и принялся мочиться в костёр. Брызги с кирпичей попали мне на ладонь. Встать двинуть в челюсть? Не получится. Убрал руку и в следующее мгновение уворачивался от направленной в меня струи.

– Что, буржуин, гребуешь? А как лакать заставлю....

Заныло под ложечкой. Не хватает тямю вот эту мразь двуногую в асфальт морально закатать. Какие-то слова сказать – убить, расплющить, раздавить. А может, молча схватить за мошонку и показать, кто в коллективе нынче бригадир.

Прихватило под ложечкой. Слов нет, сил нет. На что надеялся, Гладышев? Приручить это дерьмо? Да не во веки.... Надо было бежать, пока была возможность. А на эти отбросы, какая надежда? Забитые, задавленные, донельзя униженные они не знают жалости к слабейшему. Мыслил стать лучом света в тёмном царстве, а оказался предметом нечаянной радости: поиздеваться над беспомощным – то ли не праздник.

– Кашеевна, – в стороне ворчал Макс Афганец, ворочаясь с боку на бок и ощупывая штаны и пиджачишко, – зарекался с тобой ложиться – опять напрудила по самые уши. Откуда в тебе сулей стока берётся?

Невеста покинула брачное ложе, под села к костровищу, задрала подол цветастой юбки, разглядывая влажные разводы.

– Сам ты фуришься, культявый.

– Если б я, – огрызался одноногий, – то почему тогда Упырь сырой? Ты ж промеж нас лежала, вот и оросила.

– Вставай, кровосос, – ткнул драным зонтом, заменявшим ему костыль, неподвижную спину, – захлебнёшься. Ишь пригрелся в лужаке.

Филька выпростался из-под овчины, сел, протёр глаза, прокашлялся и сплюнул.

– Похмелиться ба.

Уч-Кудук встал на четвереньки и, что было мочи, дунул в потухший костёр. Серый пепел оголил чёрные угли.

– Опять ты, тварь, в костёр мочился!

– Почему я? – ощерился бывший трактирщик. – Это буржуй по своей барской привычке.

– Да он встать не может.

– Дак с колен.

– А вчера кто?

– Вчера можа и я – плохо помню: упились.

– Да-а, – бородач сменил гнев на милость. – Вот был вечерок-то – зараз мы флаконов шесть, а то семь оприходовали. Ты сколь принёс?

– Хрена ли считать, итить надо, промышлять.

– А с буржуем, что делать?

Все уставились на меня.

– Слышь, буржуй, за тебя нам что-нибудь отвалят?

– Или ты сам раскошелишься?

Вот она, переломная минута. Надо брать быка за рога. Надо сказать что-то такое, чтобы они повалились в ноги от моих слов и прослезились. Только где эти слова? Неужто я и мыслить разучился?

– Чего молчишь?

– Где твой дом? Куда вести тебя?

– Не вести, а нести – ведь он не ходячий.

– Э, погодите-ка, – Уч-Кудук воздел указательный палец к потолку. – Погодите, можа это не простой буржуй – банкир какой али директор. Смотрите, костюм на нём с иголки и галстук в блёсках. Запонка была золотая, да какая-то сука уже стащила.

Он свирепо оглядел товарищей.

– Звонарь ты? С дороги его волок, под шумок и уволок.

– Гы-гы-гы....

– Да у тебя ума не хватает. Ты, Кашеевна, что ль?

– Можа и я. Вы что ль нахалюву очиститель выжрали вчера?

– Да много ли он стоит?

– А верните.

– Ладно, хватит, – Уч-Кудук сверлил меня взглядом. – Я так мыслю, не простого полёта птичка попалась. Что, буржуй, молчишь? Признавайся, банкир ты или торгаш какой, магазинами владеешь? Что за тебя мы можем поиметь? Оптом или по частям продавать – сегодня, скажем, пальчик, завтра ушко, послезавтра хренделёк? Баба-то любит?

И после этих слов я понял, что молчание – это главное моё оружие. А может и спасение.

Бичам понравилось Уч-Кудука предложение.

– В город пойдём, разнюхаем – кто из важных птиц пропал. А потом решим, как из её пёрышки повыщипать.

Бородач оглядел бомжей:

– Макс сторожить останется – от его не убежит.

– А можа я? – предложила Кашеевна.

– Ну, от тебя-то зараз смоеся.

– Так привязать....

Туман осел, и солнечная сень пробилась в окна. Макс развешал штаны сушиться, тельняшку и пиджачишко драный. Сидел, насвистывая, прищёпывая ладонью по остатку оттяпанной на середине бедра ноги.

– До вечера жрать не придётся, – сообщил мне бодрым голосом. – А пить захочешь, вон вода в приемке.

– Это ж свалка, – напомнил я.

– Не обращай внимания. Я поначалу тоже.... А потом привык, ни запаха не чую, ни вкуса – лишь бы жралось да пилося.

– Отравиться можно.

– Я тебе вот что скажу, человек ко всему привыкает. Потому он и царь природы, что всеяден и живуч. Вот, скажем, листья пальмы – такая флора жёсткая, что ни единой твари не по зубам. А американские командос жрут их как салат, и желудки усвоят.

– Откуда познания?

– А ты думаешь, я всю жизнь на помойке? Нет, брат, шалишь. Я, Звезданутый, в Афгане воевал, в десантуре. Командиром БМД был. Меня орденом Красной Звезды сам Батя награждал.

– За что?

– За личное мужество.

– А поконкретней.

– Да было дело....

Макс надолго задумался.

– А потом орден отняли, из войск поперли – я ж сверчком был – и засудили.

– Проворовался? – слышан был о недоброй славе армейских сверхсрочников.

– Если бы. Селение одно освободили, а там наши ребята пленные, как котята друг за дружкой ползают – слепые, глаза-то духи повыкальвали. Мы их в санчасть отправили – айболиты канистру спирта взамен. Выпили, крепко выпили – чего-то захотелось. В зиндане пара-тройка пленных духов парилась – вертушку ждали. Мы их на свет божий извлекли, секир башка сделали и в футбол играть. Может, никто б и не узнал, да на беду вертушку раньше срока принесло, а там с конвоем особист. Как наши мячики увидел Вместо духов повязали и домой.

Очень ясно представил красную землю Афганистана и кровь на десантных берцах. Вот летающие от ударов головы не рисовались воображением.

– Где ногу потерял?

– Это уж после тюрьги – отморозил, а потом гангрена.

– Родом-то откуда?

– Не местный. Да там бы и жить не смог – стыдно.

– Макс, а не рано ты на судьбе крест поставил?

– У тебя есть предложения?

– Попробую помочь, если сгоняешь по указанному адресочку.

Вечером Афганец доложил мои предложения собравшейся публике.

– Так ты всё-таки Н-ский? – усомнился Упырь. – А мы прошлись – и ни одна собака о тебе не плачет.

На этот раз в руки бомзам достались вполне приличные трофеи – колбаса, селёдка, хлеб. Водка на десерт. А может, прикупили, спроворив где-то деньги.

Сели ужинать, мне объявили:

– Ты на диете. Худеть будешь, буржуй, пока имя не вспомнишь.

После трапезы задумались, как устеречь меня от побега.

- Я с ним лягу, – вызвалась Кашеевна.
- Проспишь.
- Так привяжите.
- В коморку запереть, – предложил трактирщик.
- Со мной запирайте.

И нас заперли с Надеждой Власовой в одной из пустующих комнат административного корпуса – единственной, где уцелела дверь. Путь туда проделал на Филькиной спине, и, сколь ни вертел головой, кружения не почувствовал. Обнадёживающее обстоятельство. Стало быть, вестибулярный аппарат тоже можно обмануть.

– Ну что, басенький, повеселимся? – Надюха жеманисто подбиралась к моему запрятанному в штанах сокровищу.

- Это вряд ли.
- Почему?
- Физиология, – я кивнул на апатичное его лежание.

– А я кое-чего припасла, – лукаво усмехнулась совратительница, извлекая из кармана драной кофты початую бутылку с полукольцом копчёной колбасы. – Пей, закусывай.

Я глотнул из горлышка.

– Пей, пей.

Афродита начала раздеваться.

О, Господи, да неужто алкоголем можно отвращение залить?

– Пей, пей, – Надежда сделала мне знак.

И я сказал себе, плевать, пусть будет то, что будет. В одной руке бутылка водки, в другой полкруга колбасы и, как кефир с батонном, уминал их не чувствуя ни голода, ни жажды. Вот хмель достал – головка поплыла, вальсируя. Где-то ниже сердца, наверное, в желудке родилась жалость и прихлынула к глазам – пригладил голову Надюхе.

– Брось – не подъёмное это дело.

Отчаявшись разбудить во мне ответное чувство, Кашеевна прикорнула щекой на моих чреслах:

- Давно такой?
- Да нет, после травмы – с женой всё получалось.
- Красивая у тебя баба?
- Молоденькая совсем.
- Молодые все красивые. Помню, в девках мне тоже парни проходу не давали – голосистая была на всё село, а вышла замуж за городского.

– Что так?

– Позарилась – следаком в прокуратуре работал, потом судьёй заделался.

– Что ж не пожилось?

– Да вот. Где-то я слабинку дала, в чём-то он не уступил. Поймал меня с другим и выгнал из дому. Мне бы обождать, скромницей пожить – глядишь, сошлись ба: детки ведь у нас. А я во все тяжкие – мстила, мстила... Ну и лишил, ползучий гад, материнства – сам судил. Вот так я здесь.

Надежда надрывно вздохнула и захлюпала носом.

– Ломать судьбу не пробовала?

– А зачем? Мне нравится.

– Эта грязь?!

– Компания. Люди простые, без выгибонов. Крыша над головою. А главное – свобода: ни тебе начальства, ни обязанностей. На боку кукуй, пока жрать не захочешь. Думаешь, голодаем? Не-а – и жрём, и пьём от брюха каждый день.

– Всяку дрянь.

– И ты привыкнешь, если дом не вспомнишь. Может, кочевряжишься? Так зря – мужики тебя задаром не выпустят отсюда.

– А ты?

– Что я?

– Ты помогла бы мне бежать?

– И-и-и-и, бегун. Ты хоть ползком-то можешь? А проползи-ка до двери. Не хочешь – встань на ноги. Ну, встань, встань – я погляжу.

Я выпростал из-под Надюхи ноги, не без труда, но поднялся на них. Голова держала – в смысле, не кружилась. Натянул брюки, застегнул молнию.

– Ты со мной?

– А пройдишь.

Кашеевна взидала на меня почти что с материнской нежностью.

Сделал шаг, второй... И чёрт меня дёрнул кинуть взор в сторону. От резкого толчка в области мозжечка меня швырнуло назад. Как не махал руками, пытаюсь сохранить равновесие, как ни взбрыкивал ногами, пол из-под меня выскользнул, поменялся с потолком местами, а потом рухнул с высоты прямо на лицо. Бетонный пол, с которого вороватые руки сняли паркет.

– И-и-и-и, ходила. – Кашеевна перевернула меня и затащила на голые свои бедра, ногтём выковыривала застрявшие камушки из кожи лица. – Я, когда напьюсь, такая же.

– Вроде не очень пьян, – посетовал.

– Вот скажи, буржуй, на что ты годен? Не имени своего не помнишь, ни дома – денег с тебя не получить. Ходить не можешь – обуза ты. Мужики ещё немного потомятся и бросят свою затею, тебя бросят – как станешь жить? Хоть бы хрендель работал, а так...

Она хлопнула ладонью в пах.

– Вон, никакой жизни. Другой мужик сейчас бы в три погибели согнулся, трясясь над кровью своим, а ты...

Кашеевна допила из бутылки и завалилась на бок.

– Спать буду. Замёрзнешь – подкатывай. Всё врут про меня мужики...

Я холода не ощущал, спать с нею бок обок не собирался. Лежал, смотрел в два чёрных квадрата, как картины на серой стене – звёздные ландшафты в окнах выбитых. Вон там, кажется, дугою выгнула хвост Большая Медведица. Выше Малая должна быть – не видать.

Наверное, не спит и смотрит в небо звёздное моя Наташа, в тонком, китайского шёлка, пеньюаре у раскрытого окна. Иль из кровати, притиснув уснувшую Катюшу. Что будет с вами, милые, если не сумею выбраться из этой ямы выгребной?

Едва рассвет обозначил контуры помещения, поднялся на ноги. Мне хотелось проверить свербевающую в повреждённом черепе мысль: можно ходить – головой вертеть нельзя.

Поднялся и прошёл, как истукан – прямо лицо, ни взгляда в сторону. Присел, развернулся на корточках, поднялся и в обратный путь.

Хожу. Хожу! И пол из-под ног не скачет, и голова при этом не вальсирует. Главное – не делать ею резких движений.

Это открытие не должно стать достоянием гласности. Пусть бичи по-прежнему считают меня беспомощным. Потому, найдившись, сел у стены и принялся ожидать пробуждения Кашеевны иль смены караула. Но манили, как запретный плод, оконные проёмы. Хоть одним глазком взглянуть с высоты второго этажа на окрестности. Может, город увижу, и буду знать, в какой он стороне. После неудачи с лидерством, вернулась мысль о побеге.

Поднялся на ноги, пошёл. По телу холодок – а ну, как кувыркнушь в окно второго этажа, и мордой – обо что там? Ткнулся в межоконную стену, спустился на пол – без выгибонов, так надёжней. На четвереньках добрался до проёма, уцепился за кирпичную кладку, высунулся наружу. Вижу карьер, справа цех, слева темнеет котельная...

Вот башкой крутить нельзя – тошнит. Где же город?

Вижу карьер, дорогу, лес... и зарю за ним. Там должен быть город – ночное зарево огней. Вспомнил: я уже был возле поганого карьера и на щебзавод с Рамкуловым заглядывали – в планах было реанимировать производство.

Далековато. Идти вокруг карьера, потом через лес, кладбище. Можно по дороге, но так ещё дальше.

План побега созрел – нужно подгадать момент, когда бичи опять упьются, ноги в руки, голову прямо....

Дневного сторожа для меня не нашлось.

– Можя ты? – спросили Надюху.

– Да толку-то – не мужик ён, не му-жик.

– Дак что же, здесь запрём?

– А если сиганёт в окно?

– Убьется – туда дорога.

– Дак мы же за него выкуп хотели.

– Сдаётся, ни хрена нам за него не дадут.

– Тогда чего валандаться – башку разбить да и сожрать.

– Обожди с башкой, – вступилась Надя. – Сам помнишь, как прибился – ради Христа просил. Два дня подряд жрал всё, что ни давали – едва сумели накормить. А этот скромненький, не просит ничего.

– Так запирать-то будем?

– Запрём, а там будет видно: сиганёт, так вечером со свежениной будем.

Я сидел ко всему безучастный, спиной к стене и вытянув конечности. Только мысли скакунами вдаль неслись – вот он момент: один и без охраны. Задача, правда, усложняется: второй этаж не первый, но и не третий, слава Богу.

Меня заперли и ушли.

Подобравшись к окну на четвереньках, украдкой смотрел, как бичи гуськом покинули территорию завода, и пошли в обход карьера. Справа пошли, найденной тропой – значит, мне надо слева обходить, чтобы, не дай Бог, случайно с ними не столкнуться.

Когда их спины скрылись за отвалами, приступил к осуществлению первой, самой опасной части побега – из темницы второго этажа.

Верёвки нет – спуститься не на чем. Если разорвать в полосы костюм и нижнее бельё, да связать? Не думаю, что может получиться что-нибудь надёжное. Оставим это.

Может, альпинистом прокарабкаться возможно? Глянул в проём оконный – кирпичной кладки ровная стена, не то руке и глазу зацепиться не за что.

Остаётся прыгать.

Что внизу? Внизу имеем заросли лопуха. И что там скрыто под листьями широкими лишь Богу одному известно. Хорошо, если обычная отмостка, а если груда битого кирпича иль борона вверх зубьями. Ну, тогда смерть или увечье.

Прикинул толщину кирпичной кладки. Если зацеплюсь ладонями за наружную кромку, полметра выгадаю до земли, но вряд ли смогу подтянуться и влезть обратно в комнату. Зачем мне возвращаться? А мало ли.... Вдруг что-нибудь не так.

В сомнениях прошел, наверное, час.

На что-то надо, наконец, решиться – решил и вскарабкался на оконный проём. Перевернулся и медленно-медленно стал выдвигать наружу тело. Неспешность не от взвешенности движений, а от бешеного вращения окружающего в глазах и голове. Вот мои ноги коснулись кирпичной кладки. На локти опираюсь, держась за внутренний край стены. Потом одну руку опустил, вторую – всё, повис на пальцах, над землёй....

Ну, учитывая мой рост, до неё не меньше трёх метров. В принципе, разве это высота? В прежние-то годы....

Только что там внизу?

Надо прыгать – обратной дороги нет. А я намертво вцепился в щербатые кирпичи и не могу себя заставить разжать эту хватку. Не ко времени и месту философия настигла.

Видел бы Билли, что сказал? Своё обычное – слабак. Но ведь не он давал мне силы в критические минуты их применения, он только будил в моих генах возможности далёких предков. Весьма далёких. Например, способность Дианы к левитации, возродилась из тех глубин времени, когда материя, созданная энергией, рождала Вселенную и законы гравитации. Как бы мне сейчас не помешала ма-аленькая, малюсенькая совсем, ну просто капельная, сила антигравитации.

С этой мыслью разжал занемевшие пальцы и – э-у-эх! – ухнул вниз.

2

Я стоял на широком листе лопуха, и он чуть-чуть, едва-едва, еле заметно покачивался подо мной. Это было удивительно. Наверное, весил я в то мгновение ничуть не больше воробья. И чувство невесомости приятно кружило голову, манило в полёт.

Чертова трясогузка – а это была она – цвиркнула завистливо, пролетая. Дёрнулся за нею взглядом, и следом – удар в мозжечок, как крепкий подзатыльник, кинул меня на стену. Вес мой обрушился на меня – с хрустом подломился лопуховый лист, ступни жёстко приняла почва, подогнулись колени, и фейс разбитым носом пометил кирпичную стену направлением падения. То была размытая, растрескавшаяся и проросшая лопухами бетонная отмостка.

Я упал, прыгая из окна второго этажа, но я был жив, я был цел, и я был на свободе. Эти ощущения затмили красоту полёта. К мыслям – а что это было? – вернулся, когда механической походкой робота мял траву, огибая карьер. Это была левитация. Я разжал пальцы, преодолел три метра свободного падения и плавно опустился на лист лопуха. Настолько плавно, что он чуть прогнулся, чуть качнулся и удержал меня на широкой ладони. Значит, я и без браслета могу управлять силой антигравитации. Впрочем, никого колдовства – во мне проснулись хранящиеся в генетическом коде и в клеточной памяти способности.

Третий день в сознании, третий день не справляю естественные надобности. Это значит, организм усваивает всю без отходов поступающую пищу – ну, разве только крысиную похлёбку отринул да средство для очистки ванн. Недостаток влаги и питательных веществ восполняется через кожу, лёгкие – только этим можно объяснить отсутствие жажды и голода. Когда и как появились способности – прежде не замечал, сняв оптимизатор. Ответ, увы, печален – следствие черепно-мозговой травмы.

Сунул два пальца в «подставку для чернильницы», ощупал – вот она первопричина.

Пришла мысль, которой улыбнулся: вооружиться молотком и переделать этот дребанный мир. Первый удар суке Борисову – мигом станет человеком.

Впрочем, о чём я? Удар молотка сместил какие-то ткани головного мозга, что-то где-то перемкнул. Один шанс на миллион, что такое может произойти вторично. Не думаю, что самый опытный нейрохирург со всей имеющейся подручной аппаратурой сумеет разобраться, что к чему – нужен Билли. Этот пройдоха до всего докопается. И тогда что – прощай эра оптимизаторов? Человечество само себя перенастроит.

Загрузив контуженную идеями, брёл, между тем, берегом карьера, потом полем, доковылял и до шоссе. По пути несколько раз падал из-за вертлявой бестолковки, отлеживался, тормозя карусель, и снова поднимался.

Движение на автотрассе достаточно интенсивно, чтобы можно было рискнуть на безбоязненный переход, да ещё с моей крейсерской скоростью. Присел в кювете весь в раздумьях.

Что делать?

Мимо проносились машины, взгляд невольно следовал за ними, и меня от подзатыльников бросало то на левый бок, то на правый. Хуже, если на спину – когда вперёд, я успевал ногами упереться.

Может лечь у обочины – кто-нибудь да подберёт. Только подумал, завизжали тормоза – чёрный джип «Cheerokee» дал задний ход. Молодой человек, прилизанный как денди, принял участие:

– Что, папаша, в город? Фу, да ты какой-то странный.

Вернулся в авто:

– Сиди здесь. Я сейчас «скорую» наберу.

Прижал мобильник к уху, дал по газам.

Нужна мне твоя «скорая»! Они в «психушку» свезут, а оттуда точно не сбежишь.

Решился на отчаянный шаг – на четвереньках через дорогу. Так я могу, уткнувшись взглядом вниз, контролировать седовласую от закидонов. А ещё лучше – закрыв глаза.

Так и сделал – закрыл глаза и на четвереньках шлёп-шлёп-шлёп.

Асфальт должен быть горячим – солнце в зените, но я тепла не ощущаю, а вот гудрон липнет к ладоням и брючинам.

Чувствую нарастающий гул и колебание почвы – какой-то многотонник шпарит. Ка-ак он щас по мне прокатит дорожным катком, только косточки хрумкнут.

Рёв двигателя, шум колёс, вой клаксона – удар воздушной волны, и мелкий галечник с обочины трата-та-та по мне. Уф, пронесло! Перепугал водилу до смерти и ползу дальше. Глаз не открываю, а то не совладать с чёртовым любопытством.

С другой стороны шум шин, а двигателя не слышно. Иномарочка, делаю предположение – смотреть боюсь. Визг тормозов. Топот бегущих ног.

Надо бы, но разве смоешься. И когда он кончится, проклятый асфальт – уж не кругами ли ползаю?

Только подумал глаза открыть, удар ногой в грудь опрокинул моё более-менее устойчивое равновесие.

– Сука поганая! Сто грамм выпьет и на четвереньки. А мне за тебя на нары?

Второй удар в плечо и тоже ощутимый – скользнул спиной по асфальту, затылком гравий ощутил. Конец дороги!

Открываю очи, вижу летящую в лицо лакированную туфлю. Нет, не брошенную – была она обута на крепкую ступню, и обладатель сей намеревался окончательно испортить мой многотрадальный фейс.

Да сколько можно!

Рукой за пятку, другой за носок – дёрнул, подкрутил. Пиношник у меня не только потерял опору, взлетевши над землёю, а ещё и перевернулся в воздухе, и мордую в асфальт. Успел заметить – толстая она у него, наглая и молодая.

– Ромка! – второй бежит от джипа, с явным намерением рядом прилечь. – Ах, ты сука позорная!

Это он мне. И достаёт пистолет, маленький, воронёный и – что-то подсказывает – настоящий.

– Щас, тварь, мозги вышибу!

Лежу в позе римского сенатора, наблюдаю. Страха ничуть. Не потому, что уверен – он не выстрелит, а знаю – не попадёт. Будто оптимизатор вновь на моей руке – такая по телу растеклась уверенность. Даже скажу, самоуверенность – хочется встать и дать по шее юнцу со шпалером, сесть в джип и прокатиться к дому с ветерком. Да вот беда – вставать-то мне нельзя. Чёртов вестибулярный аппарат – что в тебе разладилось? где отпаялось? – ведь лежато себя нормально ощущаю.

Ромка поднялся – нос разбит, на лбу и щеках асфальт отмечился гудроном. Побрёл, поникнув, к приятелю, а потом как бросится на него.

– Дай, дай его я пристрелю!

Некоторое время они борются, и звучит выстрел. Ромка падает опять и хнычет.

– Падла, ты мне ногу прострелил.

Мне это кино начинает надоедать. Переползаю обочину, скатываюсь в кювет. Ещё несколько усилий, и сумрачный от лиственной густоты, но весёлый от птичьего гомона лес укрывает меня.

Погони, думаю, не будет.

Полям идти было проще – ландшафт однообразнее. А тут каждое дерево выпятитесь хочет. В подлеске и траве что-то краснеет, чернеет, в рот просится – как тут за глазами усле-

дишь. И не закроешь – лоб мигом расшибёшь. Впрочем, что там жалеть – хуже не будет. Так и петлял между берёз, как заяц от погони.

Видимой границы между кладбищем и лесом не было. Сначала редкие могилки меж деревьев, потом нечастые деревья меж оградок, и, наконец, сплошные кварталы навсегда усопших жителей с кустиками сирени, тонюсенькими берёзками, сосенками или рябинками рядом с надгробьями. Здесь идти было проще – за оградки держался, головой не вертел. Проходы узкие, прямые – можно и глаз не открывать.

Да только оконфузился – на бабку, слонявшуюся по кладбищу, чуть не наступил. Слышу шелест, шорох, шёпот. Открываю глаза – старая пятится, крестится и бормочет.

Так представьте себя на её месте – безлюдное кладбище, и, вдруг, откуда ни возьмись, пугало огородное, в мятой перепачканной одежде, с чёрными ладонями и дыркой во лбу, закрыв глаза, накатывает. Как ещё бабульку кондрашка нехватила?

Что сказать, как утешить? Плюнул и в сторону пошёл – черти тебя носят!

Да только все мои повороты нынче плохо кончаются. Швырнуло меня в бок сначала, а потом спиной через оградку – только туфли друг о дружку сбрыкали.

Бабка мигом успокоилась – картина ясная.

– И-ии, нажрутса и бродют, черти вас задери.

И, плюнув в мою сторону, прочь побрела.

Инцидент навёл на мысль. Ну, ладошки не отмыть – проще их в карманы спрятать. А вот черепно-мозговую... Ленту траурную содрал с венка, вдвое сложил и голову перевязал – получилось что-то вроде панданы.

Двигаем дальше.

Дорога от кладбища одна, город знаю, как пять своих пальцев – дойду, обязательно найду дом на Сиреновой улице, обниму Наташу, поцелую Катюшу, браслет надену, переверну этот мир, и долго-долго буду трясти. Другого обращения он не заслуживает.

На дорогу вышел с посохом в руке. Ну, посох не посох, палка от оградки, а свою функцию исполняет. Тук-тук, тук-тук – раз по асфальту, раз по гравию – иду обочиной, закрыв глаза, и путь себе прошупываю.

Заслышав шум машины, в кювет спустился, сел передохнуть.

Вобщем-то не устал, физически, по крайней мере, а вот с душою нелады. Расстроились струны её, какую не тронь – фальшивит. Что я Билли плёл тогда? Мол, опека мне твоя обрыдла, надоела, хватит – хочу своим умом пожить и в этом мире. «Не скучно будет одному среди непосвящённых?» – он спросил. А я? «Мне нет, а ты себе найдёшь другого – вон сколько Гладышевых в Зазеркалье – и посветишь». Обидел друга, эгоист. Перенадеялся и влип. Теперь дерьмо хлебаю полной ложкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.